

Восток уже начинал светлеть, и первые лучи рассвета робко проникали сквозь туманную дымку.

В величественном и торжественном Золотом зале императорского дворца чиновники — гражданские и военные — выстроились по обе стороны зала в строгом соответствии со своими рангами и титулами, затаив дыхание. На троне восседал основатель династии в чёрной императорской мантии, чьё одно лишь присутствие внушало благоговейный страх.

Иногда какой-нибудь высокопоставленный сановник выходил из рядов и, тщательно подбирая каждое слово, докладывал государю. Его голос эхом отдавался под сводами зала, а сам он ступал, будто по тонкому льду. Под небесным гневом даже падение иглы было слышно; лишь аромат драконьего ладана, словно призрак, медленно вился в воздухе.

Конечно, всё это не относилось к принцу Жуйскому Ли Чжао, который в этот самый момент открыто дремал прямо на утреннем совете. Но, по его мнению, в этом нельзя было винить его самого: ведь совет начинался в час Мао — то есть в пять утра по земному времени. А если ещё учесть дорогу от его княжеской резиденции до дворца, то вставать приходилось не позже четырёх! Это было куда жесточе, чем знаменитый режим «996»!

В прошлой жизни он был сиротой. Благодаря помощи благотворителей ему удалось пробиться сквозь все трудности и поступить в престижный университет. Подрабатывая и получая стипендию, он вполне сносно сводил концы с концами.

Но однажды вечером, когда он бегал по университетскому парку, его неожиданно ударило сверху упавшим предметом. Очнувшись, он обнаружил, что переродился в новорождённого младенца — да ещё и недоношенного!

Хорошая новость была в том, что он сразу попал в выигрышную позицию:

его матерью оказалась фаворитка императора — Великая наложница, дед по матери был богачом всего Цзяннани, а отец — сам основатель новой династии, только что свергший тиранию прежней власти. Надо признать: отец у него действительно крут!

Плохая новость заключалась в том, что у него было девять старших братьев.

Девять сыновей, борющихся за трон — ужас просто! Хочется запрокинуть голову и воскликнуть: «Государыня не в силах этого вынести!»

Поэтому он решил крепко держаться за ногу своего могущественного отца — и так спокойно прожил восемнадцать лет.

Между прочим, этот ладан в зале действительно чертовски клонит в сон...

Стоявший рядом принц Фу чуть не умер от страха, наблюдая за такой дерзостью своего брата.

Он боялся, как бы их обоих не заметил государь, и всё время пытался разбудить этого безрассудного старшего брата. Увы, безуспешно.

Солнце уже взошло над Золотым залом, благовония медленно поднимались ввысь, и совет подходил к концу, как вдруг из рядов гражданских чиновников раздался твёрдый и чёткий голос:

— Служитель Императорского суда Ван Цзи подаёт обвинительное донесение!

Все взгляды мгновенно обратились на этого недавно назначенного в столицу цензора, ранее занимавшего пост уездного начальника.

Ван Цзи держал в руках церемониальную дощечку, лицо его было сурово, а речь — ясной и звонкой:

— Ваше Величество! Я обвиняю принца Жуйского! Будучи членом императорского рода, он обязан служить примером для всей аристократии. Однако вместо этого он ведёт себя легкомысленно и распущенно.

Во-первых, он частенько посещает дома терпимости, тем самым унижая достоинство императорского дома. В последнее время принц регулярно бывает в таких непристойных местах, как Пиньлэфан, предаётся разврату и веселью, не желая возвращаться домой. Из-за этого в народе ходят пересуды, и слава императорского рода страдает.

Во-вторых, он злоупотребляет силой и презирает законы государства. Вчера в Пиньлэфане из-за ссоры из-за одной певицы он открыто избил сына заместителя министра по делам чиновников — Сюй Туна, причинив тому тяжкие увечья, от которых тот теперь прикован к постели.

Сын высокопоставленного чиновника подвергся нападению в полный день, при свете солнца! Где же тогда закон? Такие действия — это прямое попрание государственных устоев и полное унижение императорского достоинства!

Поэтому я смиренно прошу Ваше Величество повелеть Двору родственников запретить принцу покидать его резиденцию, чтобы он глубоко осознал свою вину, а также объявить указ всему императорскому роду, дабы восстановить справедливость и авторитет двора!

Заместитель министра по делам чиновников побледнел и бросил на Ван Цзи взгляд, полный гнева.

После этих слов в зале воцарилась абсолютная тишина. Ван Цзи почувствовал неладное: даже если после обвинения никто не поддерживает или не возражает, всё равно не должно быть такой странной, почти зловещей тишины. Это была не та тишина, которая рождается от страха

перед гневом государя, а нечто иное — неуловимо тревожное.

В этот момент император легко постучал пальцами по подлокотнику трона и небрежно произнёс:

— Сяо Ши, а ты что скажешь?

...Никто не ответил.

Лицо императора становилось всё мрачнее. Все чиновники замерли, не смея и дышать громко. Принц Фу, стоявший рядом с Ли Чжао, больше не осмеливался шевелиться под тяжестью взгляда отца и лишь мысленно пожелал брату удачи.

«Шлёп!»

С трона полетел вниз мемориал и упал прямо рядом с Ли Чжао.

— Ван Дэ! — приказал император. — Разбуди этого негодяя!

Но едва Ван Дэ собрался выполнить приказ, как сам Ли Чжао, испугавшись шума и почувствовав напряжённую атмосферу вокруг, мгновенно проснулся. Он сделал вид, что кашляет, поднял мемориал с пола, бегло взглянул на него, потом окинул взглядом зал и заметил человека, стоявшего посреди зала. На голове у него был рогатый головной убор с изображением суйчжи.

«Ага, цензор», — подумал Ли Чжао с лёгким удивлением.

С тех пор как ему исполнилось пятнадцать и он получил право носить мужскую одежду и покидать дворец, он стал постоянной мишенью для обвинений со стороны цензоров. Правда, ничего особо серьёзного — просто немного развлечений, еды и выпивки, да пара случаев, когда он вступался за обиженных. Но цензорская палата упрямо цеплялась за каждую мелочь.

Ведь в столице сосредоточено множество детей высокопоставленных особ, и среди них полно распущенных юнцов. Хотя здесь и находятся «под самыми глазами Небесного Сына», некоторые всё равно позволяют себе издеваться над простыми людьми, пользуясь покровительством влиятельных родственников. А он, человек, прошедший школу социализма, мог ли допустить такое?

Конечно, нет! Кто ещё может похвастаться более могущественной поддержкой, чем сын самого императора? Поэтому он начал настоящую кампанию по наведению порядка среди столичных повес.

За это время он обеспечил цензорам массу поводов для докладов, но каждый раз, когда они пытались его обвинить, оказывалось, что правда на его стороне, а сами обвинители вдобавок получали нагоняй от императора. Те самые юнцы тоже обычно отделывались дополнительной поркой. Со временем все успокоились.

Уже полгода никто не осмеливался его обвинять, а чиновники цензорской палаты при виде его просто разбежались. Поэтому сегодняшнее выступление показалось ему почти ностальгическим. Этот незнакомый цензор, скорее всего, кому-то сильно насолил...

Увидев беззаботный вид сына, император с досадой хлопнул ладонью по столу, и на лбу у него вздулась жилка:

— Негодяй! Я посылаю тебя на совет, чтобы ты слушал дела управления, а не спал! Посмотри, какие дела ты устраиваешь!

Прежде чем Ли Чжао успел ответить, вперёд вышел принц Цзинь:

— Отец, умоляю, не гневайтесь! Десятый брат наверняка не хотел этого. Я слышал, он вернулся в резиденцию лишь в час Свиньи (около трёх часов ночи), значит, у него были важные дела. От усталости и задремал — это вполне понятно.

Затем он повернулся к Ли Чжао и мягко добавил:

— Десятый брат, тебе следует хорошенько объясниться перед отцом.

Ли Чжао еле сдержал раздражённую усмешку. Этот брат с детства любил ему подставлять подножки, и его метод «подливания масла в огонь» оставался неизменным — как заваренный до чёртиков чай. Тем не менее он вежливо улыбнулся:

— Благодарю седьмого брата.

Он вышел вперёд, зная, что сейчас ни в коем случае нельзя возражать.

— Отец, сын признаёт свою вину. Позвольте объяснить: я ходил в Пиньлэфан из-за одного блюда. Недавно я услышал, что там готовят «Рыбу в лotosовом цветке» — лучшее блюдо в столице. Мать очень любит рыбу, и я подумал: почему бы не научиться готовить это блюдо, чтобы порадовать вас обоих?

Сначала я хотел пригласить повара к себе во дворец, но он оказался человеком с принципами. Узнав, что я хочу перенять его мастерство, он решительно отказался идти. Я не мог применить силу — это ведь опозорило бы наш императорский род.

Тогда я решил последовать примеру отца, лично отправившегося за советником Левого министра. Я сам пошёл в Пиньлэфан учиться у повара. Моё упорство и почтительность тронули его, и он согласился обучить меня.

Чиновники молчали, внутренне возмущаясь: «Государь лично приглашал Левого министра — это было великое единение государя и министра! А ваше дело — учиться готовить рыбу?! Разве можно сравнивать?!»

И ещё говорите, что не злоупотребляли властью? А как же наши сыновья, внуки, племянники, которых вы избili? Хотя... признаться, они действительно вели себя плохо.

Но ведь истинный джентльмен держится подальше от кухни! Идти в дом терпимости ради кулинарного мастерства — кому другому такое не поверили бы. Но ведь все знали: у принца Жуйского две страсти — золото и еда.

Раньше уже ходили слухи, что ради какого-то блюда под названием «хуогуо» он посылал людей по всему городу искать редкие ингредиенты. А перед тем как покинуть дворец и обзавестись собственной резиденцией, он даже выпросил у императора личного придворного повара. Видно, насколько государь его балует!

Левый министр в глазах у него мелькнула тень ностальгии, а лицо императора на миг смягчилось. В императорской семье отец и сын — не родные, но Сяо Ши всегда был исключением. Однако тут же государь снова нахмурился:

— Ага, «почтительность»? Не прикрываешь ли ты жадность заботой о матери? А теперь объясни, что было с Сюй Туном?

Он хорошо знал своего сына: тот хоть и дерзок, но добр и почтителен и никогда не ударит невинного.

Ли Чжао изобразил гнев и даже обиду:

— Об этом сыну особенно больно говорить! Вчера я наконец постиг суть рецепта и собирался продемонстрировать своё мастерство. Как вдруг Сюй Тун преследовал одну певицу из Пиньлэфана и вломился прямо ко мне! При этом он кричал: «Мой отец — заместитель министра Сюй!» — и вёл себя вызывающе и нагло, прямо посреди дня нарушая законы! Он даже испортил мою рыбу!

Эта певица была девушкой чистой чести — она пела, но не продавала себя. Когда Сюй Тун начал её принуждать, она прибежала ко мне за помощью. Я не стерпел такой несправедливости и вступил с ним в спор.

Но он начал оскорблять даже меня! Вот тогда я и дал ему урок. Сын действовал во имя

справедливости и защиты невинных! Отец должен наградить меня, а не винить!

Из-за того, что рыба была испорчена, мне пришлось готовить заново. Вот и задержался до часа Свиньи. Сегодня утром даже голова заболела — возможно, простудился... *кашляет-кашляет-кашляет*...

Император явно смягчился, но всё ещё ворчал:

— Ну и ловкач же ты! Избил человека — и ещё требуешь награды? Неужели в судах совсем нет людей? Ван Дэ, позови придворного врача!

Он выпрямился и перевёл взгляд на Ван Цзи:

— Ван Айцин, правда ли всё, что говорит принц Жуйский?

Ван Цзи опешил: он понял, что попал в ловушку. Кто именно его подставил — пока неясно, но сейчас не время размышлять. Нужно срочно исправлять положение.

Он выпрямил спину и твёрдо сказал:

— Ваше Величество! Я лишь слышал, что принц посещал Пиньлэфан и избил сына чиновника. Подробностей я не знал. Это моя вина — прошу наказать меня. Однако обязанность цензора — докладывать обо всём, что доходит до слуха. Даже если речь идёт о принце, я не смел молчать!

— А вы, Сюй Айцин, что скажете?

Заместитель министра дрожал всем телом, кланяясь так низко, будто его голова вбивалась в пол:

— Ваше Величество! Это я виноват — плохо воспитал сына. Я уже допросил его, и всё, что сказал принц, — правда. Я уже применил семейное наказание. Он ничего не добился... Умоляю о милости!

Император окинул взглядом троих мужчин в зале и медленно произнёс:

— Хорошо. Теперь я всё понял. Сын Сюй Айцина угнетал простых людей — вина доказана. Однако преступление не было доведено до конца. Пусть Министерство наказаний немедленно арестует его и назначит меру взыскания по закону. Самому Сюй Айцину — годовое лишение жалованья за плохое воспитание сына.

Сюй Айцин обессиленно опустился на пол:

— Спасибо... Вашему Величеству...

— Что до принца Жуйского: он проявил благородство и защитил невинных — за это его можно похвалить. Однако, будучи князем нашей державы, он должен был передать дело властям, а не устраивать драку, словно уличный разбойник! На сей раз, учитывая обстоятельства, я не стану строго наказывать.

Ли Чжао склонил голову:

— Благодарю отца.

«Хм, знал я, что отец — сердцем мягкий, хоть и делает вид, что строг. Всегда так кончается», — подумал он про себя.

— Ван Айцин, вы честно исполняете свой долг — я доволен. Цензоры обязаны докладывать обо всём, что слышат — это опора государства. Но впредь старайтесь проверять факты, чтобы оправдать доверие двора и моё личное. На этот раз — прощаю.

Ван Цзи с облегчением выдохнул:

— Ваше Величество мудр! Слуга повинуется указу!

— Пусть все вы, Айцины, возьмут этот случай себе за правило: чиновники должны быть непорочны и строго следить за своими родственниками; те, кто вершит правосудие, пусть руководствуются справедливостью, но выбирают правильные методы; а цензоры, хотя и обязаны докладывать по слухам, должны стремиться к всестороннему рассмотрению дел. Расходитесь!

Все чиновники хором ответили:

— Мы внимаем мудрому слову государя и не посмеем его разочаровать!

Внезапно в зал вбежал один из евнухов-придворных, весь бледный от ужаса:

— Ва-ва-ваше Величество! Небо... небо расколось!

Чиновники в панике загалдели и уставились на императора.

Государь прищурил свои соколиные глаза и холодно приказал:

— Зовите Главного астронома! Айцины, следуйте за мной — посмотрим сами.

Все чиновники склонили головы:

— Да будет так!

<http://bllate.org/book/17167/1606266>